

УДК 327.5

Манойло А.В.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Шегаев И.С.

*Российский союз молодых учёных
107076, г. Москва, Колодезный пер., д. 3, стр. 29, Российская Федерация*

ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ РЕКРУТИНГ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И РИСКИ ДЛЯ РОССИИ

АННОТАЦИЯ

Объектом настоящего исследования выступает терроризм как угроза национальной безопасности Российской Федерации, предметной областью – проблема террористического рекрутинга в масштабе постсоветского пространства. Основной целью статьи является оценка рисков террористического рекрутинга для РФ в особенной территориальной плоскости – постсоветском пространстве. Авторами осуществлены следующие исследовательские этапы: отбор потенциальных стран-коллаборационистов системы вербовки, сравнительный анализ и ранжировка этих государств с последующим выявлением наиболее вероятных участников системы, определение форм и потенциальных сценариев террористического рекрутинга. Исследователи приходят к выводу, что в наибольшей степени условия для террористического рекрутинга сложились в Таджикистане, Киргизии и Азербайджане. Вероятной формой рекрутинга может выступать тюремный джамаат, а средой – миграционный коридор или псевдорелигиозная община.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

терроризм, террористический рекрутинг, постсоветское пространство, религиозный радикализм, террористические группировки, угроза национальной безопасности, противодействие терроризму.

A. Manoylo

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation*

I. Shegaev

*Russian Union of Young Scientists
3, str. 29 Kolodeznyi per., Moscow 107076, Russian Federation*

TERRORIST RECRUITING IN THE POST-SOVIET SPACE: CONTEMPORARY TRENDS AND RISKS FOR RUSSIA

ABSTRACT

The object of the author's research is terrorism, as a threat to the national security of the Russian Federation. The subject area is the problem of terrorist recruitment on the scale of the post-Soviet space. The main purpose of the article is to assess the risks of terrorist recruitment for the Russian Federation in a special territorial angle – the post-Soviet space. The authors completed the following research stages: selection of potential collaborating countries of the recruitment system, the comparative analysis and ranking of these states with subsequent identification of the most likely participants in the system, identification of forms and potential scenarios of terrorist recruiting. The researchers come to the conclusion that the conditions for terrorist recruitment have developed to the greatest degree in Tajikistan, Kyrgyzstan and Azerbaijan. Probable form of recruiting can be, for example, prison jamaat, and the environment for it – a migration corridor or a pseudo-religious community.

KEY WORDS

terrorism, terrorist recruiting, post-Soviet space, religious radicalism, terrorist groups, the threat to national security, countering terrorism.

В условиях нарастающей системной неустойчивости современной мировой политики одной из наиболее серьёзных угроз международной безопасности становится терроризм, превратившийся из феномена в обыденность. Результатом многочисленных исследований терроризма стало выявление его новых форм, тенденций и их производных. Сегодня эксперты отмечают устойчивый рост численности религиозно-экстремистских организаций в различных регионах мира, расширение ареала и увеличение масштабов их деятельности, стремление к обладанию оружием массового поражения, усиление идеологического и совершенствование информационно-пропагандистского обеспечения [1, с. 197, 198].

Остроту проблемы характеризуют также и статистические данные. Из аналитического отчёта Института экономики и мира (Institute for Economics & Peace), хронологические пределы которого составляют 2000–2016 гг. [14], следует, что общая динамика роста террористической активности, измеряемая GTI-индексом (The Global Terrorism Index), сохраняется на высоком уровне. В 74% случаев ответственность за теракт разделяют четыре транснациональные террористические группировки: «Исламское государство», «Боко Харам», «Талибан» и «Аль-Каида»¹, которые, несмотря на военные операции

¹ Все упомянутые организации являются террористическими, их деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

стран антиигиловской коалиции в Сирии и Ираке, продолжают активную деятельность. Наряду с традиционно проблемными регионами (Сирия, Ирак, Афганистан, Нигерия и Пакистан) появляются новые: группировки, ассоциирующие себя с ИГ (ИГИЛ), которые только в 2015 г. совершили теракты в 28 странах мира (в 2014 г. – в 13 странах). Сообщается об интенсификации террористической деятельности «Талибана»: только за 2015 г. число погибших от боевых действий и террористических атак талибов составило 4502 человека [16].

Академическое осмысление, которому подвергается феномен терроризма, сопровождается постепенным формированием особой предметной области, связанной с различными аспектами и направлениями борьбы с сетевыми террористическими организациями четвёртого поколения. Одной из таких областей выступает террористический рекрутинг – система технологий и практик снабжения радикалистских формирований человеческим активом, состоявшаяся как явление, однако совершенно не изученная отечественной наукой в качестве самостоятельного направления².

Актуальность исследования этого аспекта проблемы противодействия терроризму очевидна: человеческий ресурс был и продолжает оставаться основным инструментом активности радикалов, поэтому вопрос становления вербовочных схем, технологий их развития и совершенствования всегда будет в центре внимания как учёных, так и сотрудников специальных служб.

В силу этих причин главной целью настоящей работы является определение основных тенденций и рисков функционирования системы террористического рекрутинга для Российской Федерации. Акцент при этом будет сделан на особенном регионе – постсоветском пространстве, в географический эпицентр которого интегрирована РФ.

Обращение к этому региону неслучайно: помимо территориальной близости, связывающей Россию с бывшими союзными республиками, существует ряд факторов, вызывающих обоснованное опасение:

- дифференцированный (по этноконфессиональному признаку) ландшафт постсоветского пространства, имеющий очевидно выраженный конфликтогенный потенциал;

- практика дестабилизаций политических режимов посредством «цветных революций», превративших некоторые суверенные государства в иностранные сателлиты, а отсюда: непрекращающиеся попытки реализации геополитической «Тактики анаконды», ориентированной на контракцию России (может осуществляться средствами терроризма);

² Диссертационный фонд РГБ содержит в общей сложности 135 научных исследований, защищённых в период 1983–2017 гг., объектно-предметной областью которых выступал терроризм. Подробный анализ открытой источниковой базы [11] даёт основание считать феномен террористического рекрутинга не изученным. Проблема поднимается лишь косвенно в нескольких работах. Самостоятельное полноценное исследование вопроса на сегодняшний день не состоялось.

– наличие идеологического вакуума, образовавшегося после крушения советской системы в ряде республик, который может быть заполнен радикалистской догматикой;

– критические показатели социально-экономического развития ряда государств постсоветского региона, выступающие провокационной средой террористической активности.

Вышеобозначенное уже сегодня сформировало основу для появления в постсоветских пределах так называемых террористических вилайетов – ячеек-филиалов транснациональных радикалистских группировок, на базе которых происходят вербовка контингента, обучение основам радикального вероисповедания, боевая подготовка, организация терактов и т. д.

Научные исследования показали, что версия монополии на терроризм какой-либо одной конфессии несостоятельна. Вместе с тем нельзя отрицать тот факт, что интенсификация террористической активности исходит сегодня главным образом от радикального ислама³. В этой связи оценка рисков террористического рекрутинга будет адресована по отношению именно к этой конфессии.

Достижение заявленной в работе цели предполагает осуществление нескольких исследовательских этапов [10]. Так, посредством индукции будет произведён первоначальный «отбор» государств, не имеющих явных признаков коллаборационистов – т. е. тех стран-субъектов, вероятность участия в системе террористического рекрутинга которых минимальна (в силу геополитических, цивилизационных, идеологических, этнических и иных факторов). Второй этап ориентирован на сравнительный анализ и последующую ранжировку государств в соответствии со степенью риска их участия в террористическом рекрутинге (посредством определённых индексных показателей-индикаторов). Третий, заключительный, этап направлен на детализацию, углубление и упрочение результатов ранжировки, определение конкретных форм и потенциальных сценариев участия «проблемных регионов» в системе террористического рекрутинга.

Обратимся к первому этапу работы. Поскольку нас интересует террористический рекрутинг, основу которого составляет религиозный (исламистский) фактор, Прибалтийский (Эстония, Литва, Латвия) и Восточно-Европейский (Украина, Белоруссия, Молдавия) регионы в ходе анализа отступают на задний план. Кратко охарактеризуем специфику свойственного им радикализма.

Большинство указанных государств переживает на современном этапе феномен агрессивного этноцентризма, выраженного в системной фашиза-

³ Речь идёт о крайнем фундаменталистском концепте, восходящем к радикализированной идеологии салафизма-ваххабизма. Стоит отметить, что традиционный и модернистский мусульманские концепты решительно отвергают обозначенную форму, организуют борьбу с её распространением и романтизацией.

ции и лишённого конфессионального контраста. Так, национальный радикализм Прибалтики отражён сегодня, по мнению В.Э. Багдасаряна [2, с. 121], в героизации движения памяти легионеров СС, сторонники которого открытым маршем проходят через латвийскую столицу. Депутат парламента Эстонии от Консервативной народной партии (EKRE) Я. Мадисон публично апеллирует к идеям германского нацизма как к гаранту становления сильного европейского государства, партией организовываются факельные шествия в центре Таллина, скандирующие радикалистские лозунги. Непосредственным участником украинского кризиса, опорой современного «необандеровского» режима стала экстремистская группировка «Правый сектор»⁴, лидеры которой имеют территориальные претензии к пограничным государствам. Догматика фашизации культивируется в запрете ношения ветеранами Великой Отечественной войны георгиевских ленточек, определении русского языка в качестве «оккупантского» и его запрете в школах, целенаправленном забвении памятных дат, «переписывании» истории и др.

Взаимоотношения России с Белоруссией и Молдавией в целом можно охарактеризовать как «умеренно сотруднические», избегая категоричных оценок. Эти республики не выказывают явного русофобского настроения, крайний национализм не поддерживается на уровне политического истеблишмента.

Говоря о конфессиональном аспекте, подчеркнём: в исламский ареал рассматриваемые государства не входят (мусульмане составляют менее 1% от всего их населения).

Исключить из группы риска следовало бы также Армению и непризнанные Абхазию и Южную Осетию. Политическим для этого основанием является тот факт, что Российская Федерация, по сути, является гарантом их фактического существования, относительной стабилизации региона, сдерживая нагорно-карабахский и грузино-осетинский конфликты. Конфессиональным основанием – то же, что и в предыдущих случаях: христианский ареал. Нельзя не отметить и военного фактора сдерживания террористической активности: в регионе дислоцируется внушительный воинский контингент РФ – свыше десяти тысяч солдат, несущих постоянную службу на российских базах.

На основании обозначенного выше можно сделать некоторые выводы. Государства Прибалтийского, Восточно-Европейского и Закавказского (Армения, Абхазия и Южная Осетия) регионов не входят в зону исламского распространения: нет ни внушительного числа исповедующих, ни необходимой конфессиональной инфраструктуры, ни прочной связи с ближневосточными бандформированиями и др. Поэтому основной опоры эмигранты-вербовщики из числа радикальных мусульман на этих территориях лишены.

⁴ Организация запрещена в России.

Более того, «европейский вектор», пришедший на смену советской догматике, которого придерживается большинство из рассматриваемых стран, выступает для РФ некоторым заслоном от исламского радикализма. Радикализм же национальный, свойственный Эстонии, Литве, Латвии и Украине, в его формах и специфике является для России скорее информационной угрозой, нежели физической. С террористическим рекрутингом на основе исламского радикализма он не имеет ничего общего.

Примечателен в этом отношении тот факт, что, по оценочным данным экспертного сообщества, этнический состав крупнейшей транснациональной террористической группировки «Исламское государство» (которая является сегодня источником самого масштабного радикализма) не включает или почти не включает в себя представителей народностей регионов, которые мы рассмотрели [6].

Таким образом, из основной зоны риска террористического рекрутинга для РФ удалось исключить ряд государств.

Некоторые закавказские (Азербайджан и Грузия), а также среднеазиатские (Казахстан, Туркмения, Таджикистан, Узбекистан) страны, как представляется, наиболее уязвимы к угрозам исламского радикализма и могут стать ресурсной базой для вербовки. Рассмотрим этот ряд более детально.

Основу сравнительного анализа выделенной группы являет сопоставление ряда индексных показателей, относящихся, по нашему мнению, к угрозе террористической активности непосредственно и опосредованно (см. табл. 1) [5].

Для понимания степени проблематики обратимся к некоторым данным таблицы. Так, например, показатель GTI-2016 г. варьируется от максимально критических – 9,96 (Ирак) и средних значений – 5,43 (Россия) до минимальных – 0 (Вьетнам). SFI-2016 г.: крайнее значение – 114,0 (Сомали), умеренная степень – 73,9 (Беларусь), максимальная стабильность – 18,8 (Финляндия). GPI-2016 г.: максимально миролюбивой признана Исландия (1,192), средним значением отмечена Италия (1,763), крайняя напряжённость – 3,806 у Сирии. HDI-2016 г.: наиболее низкий показатель отмечается в отношении Нигера (0,348), усреднённое значение – 0,609 (Индия), страной с самым высоким уровнем человеческого развития признана Норвегия (0,944) [13; 15].

Таблица 1

Индексы, отражающие провокацию террористической активности

ИНДЕКС		ХАРАКТЕРИСТИКА
The Global Terrorism Index (GTI)	Глобальный индекс терроризма	Измерение уровня террористической активности по четырём показателям: количество террористических инцидентов; количество погибших; количество пострадавших; уровень материального ущерба.
The State Fragility Index (SFI)	Индекс «хрупкости» государства	«Хрупкость» государства связывается с неспособностью: справиться с конфликтами; вести государственную политику; предоставить базовые услуги и обеспечить устойчивость системы к внешним возмущающим воздействиям с целью поддержания согласованности и единства в системе, а также качества жизни; эффективно отвечать на вызовы и кризисы; устойчиво развиваться.
The Global Peace Index (GPI)	Глобальный индекс миролюбия	Осуществляется: измерение текущих внутренних и внешних конфликтов государства (в т. ч. общая численность зафиксированных смертей в рамках организованных внешних конфликтов, оценка взаимоотношений с соседними государствами); измерение социальной защищённости (в т. ч. уровень криминогенности в стране, число беженцев и переселенцев, потенциал террористических актов, уровень жестокости совершаемых преступлений, вероятность насильственных демонстраций); измерение уровня милитаризации – военного потенциала (в т. ч. расходы на военные нужды в процентном отношении к ВВП, количество единиц тяжёлого вооружения на 100 тыс. человек населения, оценка степени доступности ручного и лёгкого вооружения, военная мощь страны).
The Human Development Index (HDI)	Индекс человеческого развития	Измеряет уровень «достойности» жизни человека в стране на основании сводной трёх субиндексов: ожидаемая продолжительность жизни; доступ к образованию; валовый национальный продукт.

Ранжируем государства условной группы риска, исходя из числовых показателей их индексов (см. табл. 2).

Таблица 2

Ранжировка индексных показателей условной группы риска⁵

GTI		SFI		GPI		HDI	
Гос-во	Коэфф.	Гос-во	Коэфф.	Гос-во	Коэфф.	Гос-во	Коэфф.
Тадж.	3.086	Тадж.	83.8	Кирг.	2.297	Тадж.	0.627
Кирг.	1.445	Узб.	83.5	Тадж.	2.293	Кирг.	0.664
Груз.	1.257	Кирг.	81.1	Азерб.	2.250	Турк.	0.691
Казах.	0.934	Груз.	78.9	Узб.	2.216	Узб.	0.701
Азерб.	0.346	Азерб.	76.3	Туркм.	2.202	Азерб.	0.759
Узб.	0.154	Туркм.	76.0	Казах.	2.019	Груз.	0.769
Туркм.	0	Казах.	66.5	Груз.	2.057	Казах.	0.794

Далее ранжируем государства в соответствии с количеством их попадания в цветовые зоны, отражающие степень вероятности риска (см. табл. 3)⁶.

Таблица 3

Ранжировка по количеству попаданий государств в зоны риска

Государство	Высокий уровень риска	Умеренный уровень риска	Низкий уровень риска
Таджикистан	4	0	0
Киргизия	4	0	0
Азербайджан	1	3	0
Узбекистан	1	2	1
Грузия	1	1	2
Туркменистан	1	1	2
Казахстан	0	1	3

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что определённые условия для террористической активности в целом (а значит, и для функционирования системы рекрутинга) сложились наибольшим образом в Таджикистане, Киргизии, Азербайджане и Узбекистане. Грузия, Туркменистан и Казахстан в большей степени смещены в «зелёную зону».

Примечательны в этом отношении и эмпирические данные. Согласно докладу Национального антитеррористического комитета, организаторами, исполнителями и соисполнителями терактов в РФ (предотвращённых и исполненных) в 2016–2017 гг. были граждане СНГ, завербованные в мигрант-

⁵ Данные за 2016 г. [14; 12].

⁶ Избранная цветовая маркировка позволяет визуализировать степень риска. Так, в красной зоне находятся государства, чьи показатели являются наиболее критическими по сравнению с остальными в выборке, в оранжевой зоне – те, которые можно считать умеренно опасными, в зелёной – максимально безопасные на текущий период.

ской среде [4]. Речь идёт в данном случае именно об азиатских республиках. В частности, атака в метро Санкт-Петербурга 03.04.2017 была совершена уроженцем Киргизии А. Джалиловым. Все пособники смертника, задержанные 05.04.2017 и 06.04.2017, также являются выходцами из Средней Азии (Таджикистан, Киргизия, Узбекистан) [8].

Рассмотрим специфику системы террористического рекрутинга в контексте обозначенных государств.

Страны азиатского региона (Таджикистан, Киргизия и Узбекистан) объединяет не только территориальное расположение. Именно эти государства (исключение, очевидно, составляет Казахстан) после крушения советской системы оказались в наиболее остром социально-экономическом положении: критически низкие показатели уровня жизни наряду с идеологическим посткоммунистическим вакуумом, гражданскими и клановыми войнами продуцировали подъём религиозного радикализма. Отсутствие контроля над межстрановым транзитом, в свою очередь, способствовало росту трансграничной преступности, ведущую роль в этом процессе играл и продолжает играть Афганистан.

На сегодняшний день ситуация изменилась незначительно. Потенциал общественного развития обозначенной группы государств по-прежнему остаётся низким, уровень жизни – ему соответствующим. Вышеобозначенное представляется «идеальной» средой для функционирования системы террористического рекрутинга, в которой деклассированные группы видят для себя перспективу существования. Схема работы системы выглядит следующим образом.

Критический уровень социально-экономического развития формирует подсознание населения (особенно молодёжи), делает его более восприимчивым к определённого рода идеям: «всеобщая справедливость», «равенство», «эгалитарность», «благоденствие» и т. п. В сущности, всё это тренды и базовые составляющие современной транснациональной террористической риторики и идеологии (принципы построения Халифата в понимании террористов ИГИЛ и других преступных объединений), которые вступают в резкий контраст с социальным статусом обездоленных граждан. Молодёжь в этом смысле (составляет, по данным аналитики, около 70% террористического актива [1]) сильнее всего подвержена обращению. Поскольку одной из главных функций религии является компенсаторная, сращивание низкого социального статуса и обозначенной риторики с конфессиональной догматикой способствует внушительному росту числа приверженцев радикализма.

Внушительный по масштабам и практически неконтролируемый по интенсивности миграционный коридор «Азия – Россия» представляет в этом отношении существенные риски. В потоке трудового резерва в страну прибывают лица, многие из которых уже готовы к решительным действиям. Субъектом рекрутинга (вербовщиком) выступает лицо, прошедшее специальную

подготовку и состоящее в подпольной террористической ячейке. В трудовой мигрантской среде им определяются объекты вербовки: лица, проявляющие видимый интерес к религиозной тематике. Под психологическим давлением массы ресурсов (вариативные технологии), которыми располагает вербовщик, объект становится неопитом – обращённым к идеям и практикам радикального учения. Факт системной вербовки террористов в мигрантской среде констатирует глава ФСБ А. Бортников [4].

Инфраструктурой вербовки – опорным или вспомогательным звеном рекрутинга – может выступать в данном случае отдельная мечеть и/или её имам, который под видом истинного наставления формирует подсознание вновь пришедшего, укореняя в нём стремление к решительным действиям. В поле зрения правоохранительных органов, спецслужб регулярно попадают организации, деятельность которых классифицируется именно так: мечеть «Аль-Ихлас» Казани, «Восточная» и «Северная» мечети Хасавюрта и др. [7].

Опасения вызывает также практика так называемых тюремных джамаатов – псевдообщин, складывающихся в местах лишения свободы [9]. Вербовщик использует специфические условия (ограниченные жизнедеятельность, пространство, информация и др.) для трансформации подсознания заключённых. Результатом этого воздействия становится формирование радикализованной религиозной группы в преступной среде, которая по мере освобождения готова предвратить в жизнь все идеологические установки, полученные в период тюремного заключения.

Обратимся к закавказской республике. Основу алармистских настроений в отношении пособничества террористам со стороны Азербайджана, как представляется, образуют два аспекта.

Эксперт Института Ближнего Востока С.С. Балмасов в работе «Что стоит за угрозами лидеров “Исламского государства” Азербайджану?» обосновывает рост симпатий многочисленных азербайджанцев к джихадистам террористических формирований поверхностным знанием ислама [3]. Поверхностная информация, которой располагает молодёжь, вкупе с «влиянием иностранных проповедников приводит к переходу в ваххабизм». Эксперт акцентирует внимание на формировании в Азербайджане «настоящих ваххабитских оплотов», существующих в Сумгайите (третий по площади и численности населения город страны, находящийся в 30 км от Баку), а также в ряде пригородов столицы [3]. «Заметная концентрация ваххабитов, – пишет Балмасов, – наблюдается и на севере страны, где проживают многие представители национальных меньшинств». Примечательно, что 8 января 2015 г. в адрес Азербайджана уже поступило обращение «министра внутренних дел» ИГ Абдул Вахид Худаяр Ахмада, в котором он «похвалил шахидов из Азербайджана за действия в Ираке и Сирии», призывая не останавливаться на достигнутом.

Вторым аспектом, провоцирующим рост террористической активности в Азербайджане, является тесное сотрудничество с Турцией⁷. Генетическая связь, выраженная формулой «одна нация – два государства», проявляется помимо этнической и культурной составляющих в многосторонних партнёрских соглашениях.

Функционирование системы террористического рекрутинга в отношении граждан Азербайджана может иметь схожий (с азиатским вариантом) характер.

Обратимся к выводам. Проведённый сравнительный анализ позволил выделить три государства постсоветского пространства, представляющих наибольшую угрозу для России с позиции системы террористического рекрутинга: Таджикистан, Киргизию, Азербайджан. Однако это не означает, что остальные страны, имеющие относительно низкие индикаторы, можно считать безопасными «пограничниками».

Очевидно, что вопрос потенциального пособничества террористам в контексте постсоветского пространства для России имеет чрезвычайное значение, а потому должен подвергаться дальнейшей проработке с использованием тщательного мониторинга и экспертной аналитики. Необходимы усиление военного присутствия РФ в сопредельных регионах, реструктуризация дипломатических отношений, ужесточение контроля за СМИ (в первую очередь это касается сети Интернет), привлечение частных военных компаний и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеев Ю.И. Религиозный терроризм: особенности формирования, современная роль, характерные черты // Терроризм и религия: сборник научных трудов. М.: Наука, 2005. С. 176–198.
2. Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Современный фашизм: новые облики и проявления. М.: Наука и политика, 2017. 328 с.
3. Балмасов С.С. Что стоит за угрозами лидеров «Исламского государства» Азербайджану? [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока: [сайт]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=23313> (дата обращения: 14.03.2016).
4. В России предотвратили 16 терактов в девяти городах за год // Lenta.ru: информационный портал. URL: <https://lenta.ru/news/2017/04/11/bortnicov> (дата обращения: 20.06.2017).
5. Индексы развития государств мира: справочник / О.Т. Гаспарян и др.; под ред. Ю.А. Нисневича. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. 247 с.
6. Лукьянов Г. Какой этнический состав у ИГИЛ? [Электронный ресурс]. URL: <https://thequestion.ru/questions/45892/kakoi-etnicheskii-sostav-u-igil> (дата обращения: 15.05.2017).

⁷ Известно, что Турция является крупнейшим спонсором «Исламского государства», импортируя по демпинговым ценам нефть (участие в военной коалиции – лишь имитация антитеррора).

7. Кто превращает Дагестан в форпост ваххабизма? // KPRU. URL: <https://www.kpru.ru/daily/25984/2916244> (дата обращения: 28.06.2017).
8. Расследование уголовного дела о теракте в метро Санкт-Петербурга 03 апреля 2017 г. // Официальный сайт Следственного Комитета РФ. URL: <http://sledcom.ru/news/item/1114189> (дата обращения: 19.06.2017).
9. ФСИН готов к переговорам с исламистами [Электронный ресурс] // Независимая газета: [сайт]. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2017-04-19/10_419_fsin.html (дата обращения: 28.06.2017).
10. Шегаяев И.С. Террористическая коллаборация: риски постсоветского пространства // Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 3. С. 320–331.
11. Шегаяев И.С. Террористический рекрутинг: степень научной разработанности (на материалах открытых диссертационных исследований) // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века – COUNTER-TERRORISM. 2017. № 1. С. 21–27.
12. Fragile States Index: Assessing State Fragility in 2016 [Электронный ресурс] // The Fund for Peace. URL: <http://library.fundforpeace.org/library/fragilestatesindex-2016.pdf> (дата обращения: 23.05.2017).
13. Global Peace Index 2016 [Электронный ресурс] // Institute for Economics and Peace. URL: http://visionofhumanity.org/app/uploads/2017/02/GPI-2016-Report_2.pdf (дата обращения: 23.05.2017).
14. Global Terrorism Index 2016: Measuring and Understanding the Impact of Terrorism [Электронный ресурс] // Institute for Economics and Peace: [сайт]. URL: <http://economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2016/11/Global-Terrorism-Index-2016.2.pdf> (дата обращения: 27.04.2017).
15. Human Development Report 2016 [Электронный ресурс] // United Nations Development Programme (UNDP): [сайт]. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2016_human_development_report.pdf (дата обращения: 27.04.2017).
16. Khalaf F., Hoffmann A. The Girl Who Escaped ISIS. Los Angeles: Vintage, 2017. 224 p.

REFERENCES

1. Avdeev Yu.I. [Religious terrorism: peculiarities of formation, modern role, and traits]. In: *Terrorizm i religiya* [Terrorism and religion]. Moscow, Nauka Publ., 2005, pp. 176–198.
2. Bagdasaryan V.E., Sulakshin S.S. *Sovremenniy fashizm: novye obliki i proyavleniya* [Modern fascism: new forms and manifestations]. Moscow, Science and politics Publ., 2017. 328 p.
3. Balmasov S.S. [What is behind the threats of the “Islamic state” leaders to Azerbaijan?]. In: *Institut Blizhnego Vostoka* [The Institute of the Middle East]. Available at: <http://www.iimes.ru/?p=23313> (accessed: 14.03.2016).
4. [16 attacks have been prevented in nine cities of Russia during the year]. In: *Lenta.ru: informatsionnyy portal* [Lenta.ru: information portal]. Available at: <https://lenta.ru/news/2017/04/11/bortnicov> (accessed: 20.06.2017).
5. Gasparyan O.T. et al. *Indeksy razvitiya gosudarstv mira* [The indices of the

- countries development: reference book]. Moscow, Publishing house of the Higher School of Economics Publ., 2014. 247 p.
6. Luk'yanov G. *Kakoi etnicheskii sostav u IGI?* [What is the ethnic composition of the ISIS?]. Available at: <https://thequestion.ru/questions/45892/kakoi-etnicheskii-sostav-u-igil> (accessed: 15.05.2017).
7. [Who turns Dagestan into the outpost of Wahhabism?]. In: *KP.RU*. Available at: <https://www.kp.ru/daily/25984/2916244> (accessed: 28.06.2017).
8. [The criminal investigation into the terrorist attack in the subway of Saint Petersburg April 03, 2017]. In: *Sledstvenny Komitet RF* [Investigative Committee of the Russian Federation]. Available at: <http://sledcom.ru/news/item/1114189> (accessed: 19.06.2017).
9. [The Federal Service for Execution of Punishments is ready to negotiate with the Islamists]. In: *Nezavisimaya gazeta* [The independent newspaper]. Available at: http://www.ng.ru/ng_religii/2017-04-19/10_419_fsin.html (accessed: 28.06.2017).
10. Shegaev I.S. [Terrorist collaboration: the risks of the post-Soviet space]. In: *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and problems of political studies], 2016, no. 3, pp. 320–331.
11. Shegaev I.S. [Terrorist recruitment: the degree of scientific elaboration (on the materials of public dissertation researches)]. In: *Protivodeistvie terrorizmu. Problemy XXI veka – COUNTER-TERRORISM* [Counteraction to terrorism. Problems of the XXI century – COUNTER-TERRORISM], 2017, no. 1, pp. 21–27.
12. Fragile States Index: Assessing State Fragility in 2016. In: *The Fund for Peace*. Available at: <http://library.fundforpeace.org/library/fragilestatesindex-2016.pdf> (accessed: 23.05.2017).
13. Global Peace Index 2016. In: *Institute for Economics and Peace*. Available at: http://visionofhumanity.org/app/uploads/2017/02/GPI-2016-Report_2.pdf (accessed: 23.05.2017).
14. Global Terrorism Index 2016: Measuring and Understanding the Impact of Terrorism. In: *Institute for Economics and Peace*. Available at: <http://economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2016/11/Global-Terrorism-Index-2016.2.pdf> (accessed: 27.04.2017).
15. Human Development Report 2016. In: *United Nations Development Programme (UNDP)*. Available at: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2016_human_development_report.pdf (accessed: 27.04.2017).
16. Khalaf F., Hoffmann A. *The Girl Who Escaped ISIS*. Los Angeles, Vintage, 2017. 224 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию 12.04.2018

Статья размещена на сайте: 10.05.2018

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Манойло Андрей Викторович – доктор политических наук, профессор кафедры российской политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; e-mail: cyberhurricane@yandex.ru

Шегаев Илья Сергеевич – кандидат политических наук, член Российского союза молодых учёных; e-mail: Ishegaev@gmail.com

Andrey V. Manoilo – Doctor in Political Sciences, Professor at the Department of Russian Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: cyberhurricane@yandex.ru

Ilya S. Shegaev – PhD in Political Sciences, Member of the Russian Union of Young Scientists; e-mail: Ishegaev@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Манойло А.В., Шегаев И.С. Террористический рекрутинг на постсоветском пространстве: современные тенденции и риски для России // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru

Manoilo A.V., Shegaev I.S. Terrorist recruiting in the post-soviet space: contemporary trends and risks for Russia. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2018, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru